

Обработав рану целебным порошком, Чэнь Фэнъин наотрез отказался от госпитализации. Он лишь переоделся в больничной палате и незаметно выскользнул через черный ход. Новости в сети распространялись со скоростью лесного пожара — на съемочной площадке явно дежурили репортеры или папарацци. Мэн Цзяоцзяо, яростно листая ленту Вэйбо, скрежетала зубами от злости. Сяо Сун вел машину, а Фэнъин полулежал на заднем сиденье. Нанесенное лекарство немного притупило боль, но ощущение окоченелости в челюсти никуда не делось.

Мэн Цзяоцзяо в сердцах швырнула телефон на соседнее сиденье.

Чэнь Фэнъин хотел было усмехнуться, но вовремя сдержался — резкое движение отозвалось острой вспышкой.

— Не злись, сестра Цзяо. Раз уж меня решили потопить, то подготовились на славу. Я и сам хорош, расслабился. Думал, кругом свои: и режиссер, и сценарист — старые знакомые... Кто же знал, что всё так обернется.

Фэнъину и самому до смерти хотелось узнать, какие слухи роятся в сети, но лекарство, видимо, содержало сильное снотворное. Веки налились свинцом, и вскоре мерный гул мотора окончательно усыпил его.

Три дня спустя, когда пришло время снимать повязку, Мэн Цзяоцзяо в ужасе зажала рот ладонью. Вся левая щека Чэнь Фэнъина покрылась густой багровой сыпью и страшно отекала, а края самой раны опасно пожелтели, являя первые признаки некроза.

— Немедленно в больницу! — скомандовала она, разворачиваясь к выходу.

Фэнъин перехватил ее за запястье.

— В мой старый дом, — выдавил он.

Сейчас они находились в квартире, которую он делил с Лу Кэ. Но в городе С у него было еще одно, личное жилье, о котором мало кто знал.

Цзяоцзяо на секунду опешила, но тут же всё поняла. Она сама села за руль и отвезла актера по старому адресу.

На первом этаже его прежнего дома принимал старый врач традиционной китайской медицины. Заплаканная, с опухшими от бессонных ночей глазами, Мэн Цзяоцзяо заколотила в дверь. Старый доктор, отворив калитку, ошарашенно уставился на неожиданных гостей, а уж когда взглянул на лицо Фэнъина, и вовсе отпрянул от испуга.

Старик бережно промыл рану особым травяным раствором. И без того глубокий порез начал подгнивать, обнажая кость, а левая половина лица Фэнъина полностью потеряла

чувствительность.

— На что у тебя аллергия? — нахмурился пожилой лекарь.

Он прекрасно помнил этого скромного паренька: еще до того, как прославиться на всю страну, тот часто забегал к нему в лавку и помогал разбирать сушеные травы.

— На морепродукты, — ответила за него Мэн Цзяоцзяо, переводя взгляд на актера, который от невыносимой боли мог лишь судорожно сжимать челюсти. — У Фэнъина тяжелейшая аллергия на всё морское.

— Тогда всё ясно, — вздохнул лекарь, качая головой. — В тот порошок, которым тебе присыпали рану, подмешали измельченные раковины. Жемчужная пудра или перламутр действительно останавливают кровь, но для тебя это чистый яд. И судя по всему, там было что-то еще, иначе воспаление не зашло бы так далеко.

Старик захлопотал у плиты, где в глиняном горшке уже глухо булькал темный отвар.

— Сначала снимем внутренний жар и выведем токсины. Рана сильно запущена, так что ближайшие два дня никакой твердой пищи — из-за отека может открыться свищ на щеке. Каждые три дня будете приходить ко мне на перевязку.

Фэнъин слабо покачал головой.

— Мне... нельзя... часто светиться, — с трудом выдавливая слова сквозь занемевшие губы, прохрипел он. — И Цзяо тоже. Слишком опасно. Срисуют.

— Замолчи! — резко оборвала его Мэн Цзяоцзяо. — Еще одно слово, и я сама тебе рот зашью.

Актер примиряюще приподнял ладони, сдаваясь.

— Дедушка, — обратилась она к лекарю. — Умоляю, напишите рецепт. Я сама буду готовить мази дома.

— Мои рецепты — семейная тайна, чужакам их не показывают, — старик напустил на себя суровый вид, но, заметив, как женщина побледнела от страха, мягко улыбнулся. — Ладно вам паниковать. Можете пожить у меня в пристройке. Два месяца — и от твоей хвори и следа не останется, обещаю.

Чэнь Фэнъин потянулся к столу, взял ручку с листком бумаги и быстро набросал несколько строк:

«У меня нет двух месяцев. Я не могу исчезнуть так надолго — тот, кто это устроил, не станет ждать. Плевать на шрамы, мне нужно встать на ноги как можно скорее».

Почерк его был угловатым и резким — разительный контраст с его обычно мягким и покладистым характером.

— Тогда побудь здесь хотя бы до завтра, — вздохнул старик, прочитав записку. — Я приготовлю особую вытяжку. Жечь будет немилосердно, зато ткани начнут рубцеваться вдвое быстрее.

С этими словами лекарь вышел, тихо притворив за собой дверь.

Мэн Цзяоцзяо взяла плетеный веер и принялась мерно обмахивать глиняный горшок, раздувая угли в жаровне.

— И что ты задумал? — тихо спросила она.

Фэнъин дернулся было ответить, но, поймав предостерегающий взгляд помощницы, вновь взялся за ручку:

«Будем ждать. Он не из терпеливых. Особенно сейчас, когда на носу запуск нового проекта режиссера Фана. Я ведь сам просил руководство устроить ему прослушивание, но моя фамилия тоже была в списках главных претендентов. Теперь, когда я выбыл, роль автоматически отойдет ему. Он до сих пор мне не позвонил — значит, либо поддыхает от страха, либо уже нашел себе покровителя понадежнее. В любом случае, он попытается добить меня, пока я слаб».

— А я-то думала, ты по уши в него влюблен, — покачала головой Мэн Цзяоцзяо. Она прекрасно помнила, сколько грязи и ударов Чэнь Фэнъин принял на себя за эти годы, прикрывая Лу Кэ от прессы и конкурентов.

«Когда-то так и было», — вывел Фэнъин и пририсовал в углу кривую улыбку. — «Кстати, уходя, он даже вещи свои не забрал».

— Ладно, о насущном, — вздохнула Мэн Цзяоцзяо. — Я созванивалась с офисом. Твое ранение скрыть не удалось, но пиарщики уже вовсю переводят стрелки на того новичка, с которым ты делил сцену. Мол, парень испугался, что ты затмишь его талантом, и подстроил «несчастный случай». Сам понимаешь, у этого юнца зубастые покровители, руководство компании ходит перед ними на цыпочках... Словом, они хотят замять скандал, выставив всё глупой случайностью, и очень просят тебя сделать официальное заявление в их поддержку.

«Какой еще новичок?» — быстро нацарапал Фэнъин. — «Я даже его имени не запомнил».

— Ван Мин, — закатила глаза Мэн Цзяоцзяо, не переставая помешивать зелье. — Ты хоть

иногда интересуешься теми, с кем стоишь в кадре?

«Ну прости, это моя первая отрицательная роль, я был слишком увлечен образом», — Фэнъин пририсовал подмигивающую рожицу.

Но что творилось у него на душе на самом деле — не знал даже он сам.

— Эх, Фэнъин... Сколько лет тебя знаю, а ты всё тот же. Думаешь, я не вижу, как тебе паршиво? — тихо проговорила Мэн Цзяоцзяо. Понимая, что ее другу сейчас не до расспросов, она замолчала, сосредоточившись на лечебном вареве.

На следующее утро старый лекарь принес готовую мазь. Как только густая темная масса коснулась кожи, дикий зуд, мучивший Фэнъина последние дни, наконец отступил. Но облегчение длилось лишь миг — следом нахлынула такая жгучая, раздирающая боль, по сравнению с которой сам инцидент на съемочной площадке казался легкой царапиной.

«Сестра Цзяо, знала бы ты... лучше бы я согласился на обычные швы», — несмотря на то что пальцы актера мелко дрожали от боли, строчки ложились на бумагу на удивление ровно.

— И получить вместо лица кривую гусеницу? — фыркнула Цзяоцзяо, сжимая кулаки. На язык она всегда была остра. — А если бы этот коновал занес заразу, рана загноилась бы прямо под швами, и нитки вросли бы в мясо? Пришлось бы резать заново. Скажи спасибо, что легко отделался.

«Сестра Цзяо, порой мне кажется, что главный злодей во всей этой истории — ты», — Фэнъин соорудил умильную гримасу, но стоило Мэн Цзяоцзяо замахнуться на него тряпкой, как он тут же скорчился, демонстрируя крайнюю степень страдания.

— Всё, дело сделано, — старый лекарь закончил накладывать чистую повязку и собрал свои инструменты. — Еще двое суток голодания. Пять дней рану водой не мочить, повязку снимете ровно через неделю.

Фэнъин благодарно кивнул и решил сразу перебраться в свою квартиру этажом выше.

В этом скромном жилище он не бывал с тех самых пор, как на него обрушилась всенародная слава. Эта квартира была его тайным убежищем, тихой гаванью, о существовании которой не подозревал даже Лу Кэ. Раньше, когда бремя популярности становилось невыносимым, Фэнъин приходил сюда, запирал дверь, готовил себе нехитрый ужин и часами сидел в тишине, разглядывая старую мебель и собираясь с мыслями перед очередным рывком. Но начав жить с Лу Кэ, он забросил это место. Прошло целых семь лет.

«Семь лет... Неужели пресловутый кризис отношений?»

Он горько усмехнулся своим мыслям.

Мэн Цзяоцзяо тут же взялась за уборку, ловко смахивая вековую пыль со шкафов, а самого Фэнъина бесцеремонно выставила на балкон под предлогом того, что он только путается под ногами.

Закончив с уборкой, она усадила актера на диван и торжественно вручила ему чистый блокнот с карандашом.

— Извольте изложить свои соображения, босс.

Фэнъин ненадолго задумался, а затем быстро вывел на бумаге:

«Насчет компании: пусть выложат в сеть полную видеозапись со съемочной площадки. Я перед инцидентом переговорил с Ван Мином — парень ни в чем не виноват, нужно снять с него подозрения. Сама в ближайшие дни в интернет не лезь, там сейчас наверняка ад кромешный. Поручи ребятам поднять мои старые архивы, интервью, благотворительные проекты — подготовим почву для ответного удара. За двадцать лет в индустрии я скопил приличный капитал. Как только этот кошмар закончится, я уйду на вольные хлеба и открою собственную студию. Ты ведь пойдешь со мной?»

Мэн Цзяоцзяо шутливо погрозила ему кулаком, молча развернулась и ушла.

Оставшись один, Фэнъин откинулся на спинку дивана. Левая щека пульсировала тупой, изматывающей болью, но на душе у него впервые за долгое время воцарился абсолютный покой.

На следующий день пиар-отдел агентства сработал на удивление оперативно. В сеть слили видеозапись инцидента. Окровавленное лицо актера предусмотрительно замазали пикселями, однако его голос звучал отчетливо — этого хватило, чтобы полностью обелить Ван Мина. Но затишье длилось недолго. Уже к обеду поднялась новая, еще более мощная волна грязи. Кто-то раскопал факты из его далекого юношества, когда Фэнъин подрабатывал певцом в заштатных ночных клубах. Для артиста, начинавшего карьеру с музыки, в этом не было ничего зазорного, если бы не одна деталь: в те годы он сколотил молодежную группировку для решения «некоторых вопросов». В прессе тут же запестрели заголовки о его связях с организованной преступностью.

Ошалевшие пользователи соцсетей тут же засыпали аккаунты правоохранительных органов требованиями возбудить уголовное дело и проверить Чэнь Фэнъина на причастность к триадам. Сеть захлестнула лавина безумных слухов. Интернет-ищейки наперебой обвиняли его во всех смертных грехах: от наркомании и педофилии до увлечения черной магией и употребления в пищу плаценты ради сохранения молодости. Фэнъин лишь беззвучно качал головой — фантазия у сетевых стервятников работала без сбоев, они были готовы раздуть сенсацию из любого бреда.

Он зашел в свой аккаунт на Вэйбо. В комментариях творился суший ад. Верные фанаты умоляли его записать опровержение, в то время как хейтеры дружно призывали его явиться в полицию с повинной.

«Идти сдаваться? С какой стати? Я законов не нарушал»

Затем он ради интереса открыл страницу Лу Кэ. Последний пост того гласил, что он улетает на съемки в Гуандун и какое-то время будет не в сети. И ведь ни одна живая душа в комментариях не сопоставила факты и не задалась вопросом, почему его бывший так вовремя решил скрыться из виду.

Фэнъину оставалось лишь признать: покровитель у Лу Кэ действительно оказался птицей высокого полета. На третий день травли в сети появилось видеообращение какого-то типа, который со слезами на глазах божился, что в юности был «братом» Чэнь Фэнъина. Он лепетал, что их банда создавалась исключительно ради самообороны, что они были молоды, глупы и не понимали, что нарушают закон, а сейчас он лично явился в участок, чтобы покаяться.

Это заявление окончательно заколотило гвоздь в гроб репутации актера. Клеймо криминального авторитета прилигло к нему намертво. И всё это безумие развернулось менее чем за две недели с момента его травмы на съемочной площадке.

Ближе к вечеру раздался негромкий трезвон дверного звонка.

Приоткрыв дверь, Фэнъин увидел на пороге Сяо Суна.

— Брат Чэнь, меня сестра Цзяо прислала, — замялся парень, переступая с ноги на ногу. — Велела присмотреть за тобой пару дней.

Фэнъин молча отступил в сторону, впуская помощника в дом.

Сяо Сун прошел на кухню и налил ему теплой воды. Фэнъин делал маленькие, осторожные глотки, стараясь не тревожить больную щеку. Понимая, что шефу сейчас тяжело разговаривать, парень устроился напротив и принялся вполголоса пересказывать последние новости из офиса компании.

Его тихий, монотонный голос постепенно отдалялся. По телу Фэнъина вдруг разлилась странная, свинцовая тяжесть, а веки словно налились чугуном. Накатила непреодолимая, дурманящая сонливость, против которой разум оказался бессилен.